

Лео де Витт

МАНЬЯК СИНКЕВИЧ

Совершенно безнадёжная трагедия

Лео де Витт

Маньяк Синкевич

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70449820

SelfPub; 2024

Аннотация

В стране бушует эпидемия смертельного вируса. Отчаявшись найти лекарство, доктор Синкевич выписывает заражённым "пустые" препараты, не в силах признаться больным, что их участь решена. Но однажды к Синкевичу приходит бывший пациент и говорит, что победил неизлечимый вирус. Чудесное исцеление ставит доктора перед тяжёлым выбором: как поступить с неожиданно выжившим пациентом, чтобы очистить совесть и спасти репутацию?

Содержание

Пролог	5
Эпизод первый	15
Эпизод второй	29
Эпилог	49

Лео де Витт

Маньяк Синкевич

Действующие лица:

Доктор Синкевич, 42 года, врач-терапевт

Василий Андреевич Качалов, 37 лет, учитель словесности

Радиоприёмник, 38 лет, советский радиоприёмник 1982-го года выпуска

Пролог

Доктор Синкевич сидит у себя в кабинете за столом и работает с документами. На столе стоит советский радиоприёмник и играет песню "Spectre" группы Radiohead. Песня заканчивается.

Радиоприёмник. А мы прерываем музыкальную программу на службу новостей. В стране продолжает бушевать эпидемия камчатки. На данный момент насчитывается около двухсот тысяч зарегистрированных больных. И число заражённых продолжает расти. Каждый день в больницы поступает около трёх тысяч пациентов со схожими симптомами. Напомним, что камчатка – неврологическое заболевание, поражающее нейронные связи и провоцирующее болезнь Альцгеймера у людей любого пола и возраста. До сих пор неизвестно, какими путями передаётся вирус, но недавно удалось установить, что первые очаги заражения были зарегистрированы в Камчатском крае, от чего вирус и получил название. А мы предлагаем прослушать "Одиннадцатую сонату для фортепиано" Вольфганга Амадея Моцарта, ведь как утверждают учёные, музыка австрийского гения улучшает память. Приятного прослушивания!

Играет "Piano Sonata No. 11: III. Alla turca" Моцарта. Син-

кевич откладывает бумаги и выключает радиоприёмник.

Синкевич. Послушал музыку, называется.

Синкевич наводит порядок на рабочем столе, надевает пальто и шляпу, и уже собирается уходить, как в дверь раздаётся стук.

Синкевич (с раздражением). Да?!

В кабинет заглядывает Качалов.

Качалов (воодушевлённо). Здравствуйте, доктор! Могу я зайти?

Синкевич. Мой рабочий день закончен. Время приёма пациентов вы можете посмотреть в расписании в коридоре. Советую записаться заранее.

Качалов. Но, доктор Синкевич, я ехал к вам издалека. Будьте добры, уделите мне немного времени.

Синкевич. Боже ж ты мой, где банальное уважение?! Я ведь вам ясно сказал, что мой рабочий день окончен. (Сам себе) Что за люди?! Сами твердят, что нужно повышать статус профессии врача, а, когда дело доходит до них лично, лезут без очереди да ещё и в не приёмное время! (Качалову) Покиньте, пожалуйста, кабинет! Клиника закрывается.

Вместо этого, Качалов открывает дверь нараспашку и входит в кабинет.

Синкевич. Что такое? Что за наглость? Я вызываю охрану.

Качалов. Да погодите вы, доктор Синкевич! Вы, наверное, меня неправильно поняли. Я пришёл не на приём.

Синкевич. А зачем?

Качалов (*простодушно*). Я пришёл благодарить вас.

Синкевич (*нерешительно*). Да... Мне приятно. Но, давайте, слова благодарности вы выскажете мне по дороге к выходу.

Качалов. И всё-таки, смотрю, вы меня не помните.

Синкевич. Ну, так представьтесь, для начала.

Качалов. Василий Качалов!

Синкевич. Ваше имя мне ни о чём не говорит.

Качалов. Да как же так?! Разве вы и вправду не помните меня?

Синкевич. Гражданин, каждый день через меня проходят десятки больных. Если бы я помнил всех, меня бы давно уже перевели в отдел психиатрии, и уверяю вас, не в качестве врача.

Качалов. Нет, и всё-таки вы должны вспомнить меня!

Синкевич заканчивает прибираться кабинет: закрывает окно, выключает свет и направляется к Качалову, жестом

показывая на выход.

Качалов. Я – Василий Андреевич Качалов! Тридцать семь лет. Работаю учителем словесности. Год назад я пришёл к вам с жалобами на память. Вы диагностировали мне камчатку и предрекли медленную мучительную смерть через полгода. Но, вот, проходит год, и я стою перед вами, живой и в ясной памяти!

Синкевич уже не пытается спроводить Качалова.

Синкевич (*шепчет, пытаясь вспомнить*). Качалов-Качалов-Качалов?.. (*Удивлённо*) Вы?

Свет на сцене гаснет.

Стол доктора Синкевича освещается тёплым жёлтым светом. За столом сидит сам Синкевич, напротив него – Качалов.

Дело происходит год назад.

Синкевич. Когда у вас начались проблемы с памятью?

Качалов. Два месяца назад. Понимаете, я же работаю учителем словесности в школе. И поначалу стал замечать, что забываю учебный материал: фамилии, факты, даты. Ну, думаю, ничего страшного: думаю, просто переработал, к тому же за этот материал я не брался давно. Но позже по дороге

домой я останавливался посреди улицы, пытаюсь вспомнить, куда мне идти. А сейчас ко мне подходят дети, подростки, представляются моими учениками, но, видит Бог, я их совсем не помню. Доктор Синкевич, я их не помню!

Синкевич. Скажите, вы сейчас спите больше обычного?

Качалов. Честно признаться, раньше мог допоздна сидеть за тетрадами и утром без проблем встать в школу, но сейчас постоянно рубит в сон. Уже несколько раз просыпал на работу.

Синкевич. Хроническая усталость?

Качалов. Да, доктор! Раньше я был живчиком. Коллеги говорили, что не тяну на свой возраст. Но сейчас уже стоять у доски для меня большой труд.

Синкевич. Усталость появилась в тот момент, когда вы стали замечать пробелы с памятью?

Качалов. Так точно. Доктор? Не думаете ли вы, что это тот вирус, про который говорят в новостях?

Синкевич. Все симптомы схожи. И ваши анализы это подтверждают. Мне очень жаль, Василий Андреевич.

Качалов. Но подождите! И что теперь будет? Как мне дальше быть?

Синкевич. Мне сказать вам правду или то, что я говорю большинству пациентов?

Качалов. Правду.

Синкевич. На данный момент вы уже находитесь на той стадии, когда забываете окружающих вас людей и теряетесь

в пространстве. В дальнейшем эти симптомы будут только обостряться. Вы забудете, где ваш дом. А потом забудете и самых близких, с кем живёте под одной крышей. Вскоре вы будете забывать и о простых базовых вещах: готовка, чистка зубов, походы в туалет. И в самом конце вы забудете даже как ходить. Вы станете овощем и не сможете жить без постоянного присмотра. А потом умрёте. Простите, Василий Андреевич, за жёсткость. Но сценарий у пациентов с вашим диагнозом только один.

Качалов. Вы ни слова не сказали о лечении.

Синкевич. Лекарства нет.

Качалов. Неужели всё так закончится? Но мы же с вами не будем сдаваться, правда?

Синкевич. Любите музыку?

Качалов. Что?

Синкевич. Я, например, люблю. Кстати, в это время на волне крутят инди.

Синкевич включает радиоприёмник и настраивает на нужную волну. Играет "You And Whose Army?" группы Radiohead.

Качалов. Вы смеётесь надо мной, доктор Синкевич?

Синкевич. Василий Андреевич, я бы мог обманывать вас, как и других пациентов, выписывать препараты, которые не помогают, и слушать рассказы о том, как вы поменя-

ете всю свою жизнь после чудесного исцеления. Но я не буду этого делать. Мне надоело врать, видя, как семьи впадают в долги, пытаюсь вылечить человека, чья участь решена. Мы ведь начали наш разговор с откровенности. Так, давайте, поговорим откровенно, что вы можете сделать сейчас. А сделать вы можете ровно одно – насладиться последними днями.

Качалов. Вы так просто об этом говорите.

Синкевич. Василий Андреевич, поймите, через меня каждый день проходит множество людей, жить которым осталось недолго. И мне больно смотреть, как все они совершают одну и ту же ошибку – тратят последние мгновения жизни на то, чтобы вылечить неизлечимую болезнь, вместо того, чтобы провести его с друзьями, близкими; хоть раз в жизни, пожить как следует.

Качалов. Что ж... Будь я в панике, я бы двинул вам по физиономии. Но жизнь научила даже в тяжёлые времена сохранять холодный ум. Что вы мне предлагаете?

Синкевич. Проводите больше времени с близкими, пока ещё помните их. Займитесь тем, чем давно мечтали заняться, но всё откладывали. Не бросайте работу. Подумайте о том, что вы умрёте, а вашим родным и близким ещё жить. Заработайте им хоть небольшое, но состояньице. Но прошу вас, не давайте им деньги сразу, иначе они всё спустят вам на лечение. Но и в школу не ходите. Там слишком много раздражителей. Не советую проводить много времени в ме-

стах с большим скоплением людей. Возьмите уроки на дому. А, когда почувствуете, что близитесь к тому, что не можете вспомнить, с кем вы живёте, сделайте милость, избавьте родных от страданий – убейте себя.

Качалов. Какие страшные вещи вы говорите!

Синкевич. Да, услышь наш разговор кто-нибудь из моих коллег, они бы решили, что я маньяк. Но я – доктор, Василий Андреевич, доктор, который пришёл сюда лечить людей, а не зарабатывать деньги, и я не хочу зарабатывать деньги на живых мертвецах. Вы можете написать на меня жалобу, подать в суд – ваше право. Но совесть моя чиста.

Качалов. Не переживайте, доносить на вас я не стану. Мудрость в ваших словах есть. Но всё же, хочу заверить вас, что я не сдамся. Я буду бороться до конца. Назначьте мне лечение.

Синкевич. Василий Андреевич, я ведь говорил – лекарства нет.

Качалов. Это я пока помню. Но что-то ведь вы выпишиваете тем несчастным, с кем не откровенничали, как со мной?! Выпишите мне препараты, которые выписывали им. Я заплатил за приём. Я имею право уйти отсюда с чем-то, кроме планов на моё будущее, которые вы осмелились построить за меня. Выписывайте!

Синкевич. Хорошо-хорошо! Если вам станет от этого легче.

Синкевич берёт лист для рецептов и выписывает препараты. Отдаёт список Качалову.

Синкевич. Держите! Надеюсь, это поможет вам не унывать.

Качалов. Спасибо!

Качалов встаёт и собирается уходить.

Синкевич. И чаще слушайте музыку, Василий Андреевич! Особенно Моцарта. Учёные говорят, Моцарт улучшает память.

Качалов (*равнодушно*). Непременно воспользуюсь вашим советом.

Свет на сцене гаснет.

Затем загорается. Синкевич и Качалов стоят на тех же местах, что и до сцены приёма.

Синкевич. Это правда вы? Вы живы. Но как это возможно?

Качалов. Должен поблагодарить вас, доктор, когда после приёма я пришёл домой, я много думал над вашими словами. И, наконец, я принял решение, что вы правы, что следует пожить как следует в последние месяцы и подумать о капитале для родных. Но чего я никогда не собирался де-

лать, доктор, так это сдаваться. Я принимал все препараты, которые вы прописали. Делал упражнения для тренировки памяти. И даже каждый день слушал Моцарта, хоть с вашей стороны это была всего лишь злая шутка; за год прослушал всю дискографию. И, как видите, я живой, в здравом уме и трезвой памяти, стою перед вами и хочу поблагодарить вас за чудесное исцеление.

Синкевич. Но этого не может быть! (*Садится за рабочий стол.*) Этого не может быть.

Качалов. Что ж, тогда прикоснитесь ко мне, чтобы убедиться, что перед вами не призрак, а вполне живой человек – человек, который не сдался.

Синкевич. Всё это походит на злую шутку. Бог решил посмеяться надо мной. Впервые я набрался смелости сказать пациенту правду и достойно принять смерть. И этот пациент стал первым, кто вылез из смертельного вируса.

Качалов. (*Садится напротив Синкевича.*) И всё благодаря вам, доктор Синкевич. Спасибо вам!

Синкевич внимательно смотрит на Качалова.

Эпизод первый

Синкевич. Чем планируете заняться дальше, Василий Андреевич?

Качалов. Вы знаете, я понял удивительную вещь, что как бы я не любил свою работу, жизнь не ограничивается ею. Когда я узнал о своей незавидной участи, я стал по другому смотреть на мир. Каждое утро я добираюсь до школы пешком в качестве гимнастики, а, вот, обратно еду на автобусе. Я ненавижу общественный транспорт, доктор. Вы не представляете, с каким трудом мне давался этот путь от школы до дома после тяжёлого рабочего дня. Эти усталые, недовольные жизнью люди, ютятся в тесном автобусе, хамят, толкаются, ненавидят друг друга. Я смотрел на их лица и видел в них дикое желание, чтобы этот день поскорее закончился. И меня так бесило, что каждый из них живёт от выходных к выходным, вычёркивает из жизни очередной день и даже вечером, оказавшись дома, не наслаждается парой свободных часов, а тратит их, готовясь к очередному рабочему дню. Но самое противное, что я видел в них отражения себя. Я ничем не отличался от них. Но сейчас! Сейчас, доктор, я наслаждаюсь их лицами: такими разными, угрюмыми, но по-своему прекрасными. Я полюбил этот кортеж живых мертвецов, стал запоминать их лица, перекидываться парой слов. И теперь мы уже знаем друг друга: здороваемся, интересуемся, как у

кого прошёл день. В это время в автобусе больше не хамят и не толкаются. Мы все чувствуем себя частью большой семьи; и я не преувеличиваю. В конце концов, я вижу пассажиров этого автобуса чаще, чем родных родителей.

Синкевич. Вот, слушаю я вас и удивляюсь: как сильно меняется взгляд на жизнь, стоит человеку приблизиться к смерти. И ненароком задумываешься: неужели каждый человек должен пройти это страшное испытание, чтобы начать ценить жизнь?

Качалов. Ах, как вы ошибаетесь, доктор! В этом мире всё временно – в том числе и благодарность Создателю за второй шанс.

Синкевич. Да что вы?

Качалов. Поначалу я действительно ловил истинное наслаждение просто от того, что живу. Каждое утро я ходил на работу по набережной, наслаждался местными видами: подолгу глядел, как волны реки разбиваются о камни, как птицы общаются друг с другом на электропроводах, как город постепенно просыпается, по дорогам едет всё больше машин; смотрел на рыбаков, что не поленились рано проснуться и выйти на берег рыбачить. Но как и от всего в этой жизни, восторг мой быстро прошёл. И я снова стал погружаться в пучину, что затягивает человека в бесконечную серую рутину, что напрочь стирает все чувства и не даёт наслаждаться обычными вещами.

Синкевич. Удивительно! Уверю вас, вам стоит написать

книгу и изложить в ней весь ваш удивительный опыт. Уверен, она будет пользоваться популярностью. Но я хочу вернуться к вопросу вашего исцеления.

Качалов. Погодите! Выслушайте меня! То, что я рассказываю вам, я говорил самым близким мне людям, но они решали, что я поехал кукухой. Вы же меня поймёте. Вспомните, как год назад к вам пришёл живой труп, уставший от этой жизни и не ценивший её. Вы – врач и встречаетесь с такими людьми каждый день. Вы поймёте, о чём я говорю.

Синкевич. Что ж, в таком случае, думаю, разговор наш затянется.

Синкевич снимает пальто и шляпу и садится обратно за стол.

Синкевич. Не будете против, если я включу радиоприёмник? В это время на волне крутят джазовые хиты. Обычно я их слушаю в машине, но сегодня, как выяснилось, особый случай.

Качалов. Конечно, доктор, включайте! Музыка! Что может быть прекраснее музыки!

Синкевич включает радиоприёмник.

Радиоприёмник. А вы прослушали композицию "Меланхолия", которую Дюк Эллингтон впервые сыграл в апреле

1953-го года. Но должен сообщить слушателям, что мы вынуждены сегодня отложить ежедневную программу золотых хитов джаза, потому что сегодня доктор Синкевич слушает радио не в машине.

Синкевич. Так к чему вы пришли, прожив новой жизнью?

Радиоприёмник. А расскажет свою историю Василий Качалов под песню Фрэнка Синатры "Такова жизнь". Эту песню вы услышите на нашей волне впервые, ведь ещё ни разу к доктору Синкевичу не приходил выздоровевший пациент.

Играет песня "That's Life" Фрэнка Синатры.

Качалов. Мозг человека удивительно устроен. Стоит чему-то хорошему выпасть из жизни, как мы страдаем, но, если это хорошее случается с нами каждый день, мы его совсем не замечаем.

Синкевич. Что имеем, то не ценим, потерявши, плачем.

Радиоприёмник. Отличная поговорка, доктор! В самую точку.

Качалов. Когда память вернулась, а болезнь ушла, я наслаждался каждым мгновением жизни. Я по другому взглянул на свой дом, свою работу. Старался перевоспитать учеников, что баловались на уроках. Добросовестно выполнял бумажную работу, а не ругался с бюрократами в школьной администрации. Мне казалось, что то, что я имею сейчас го-

раздо лучше небытия, какое мне светило ещё полгода назад.

Синкевич. Дайте угадаю. Но вскоре всё стало возвращаться на круги своя.

Качалов. Именно, доктор!

Радиоприёмник. Да вы сообразительны, док.

Качалов. В какой-то момент вся эта рутина снова осточертела и, ехав с работы в том самом тесном автобусе, я понял, что ненавижу его так же, как полгода назад. И точно так же я ненавижу школу, непослушных учеников, бюрократов из администрации. Понимаете, доктор? Жизнь дала мне второй шанс. А я так быстро его промотал, снова завернувшись в этот кокон и спрятавшись от мира.

Синкевич. Поверьте, Василий Андреевич, вы не один такой. То, что вы говорите, я слышу от каждого пациента, победившего рак или любую другую тяжёлую болезнь. Даже здоровый человек, никогда не болевший камчаткой, очень быстро забывает о самом главном – о смерти.

Радиоприёмник. Да вы философ, док!

Синкевич. И всё же вернёмся к вашему исцелению. Как вам это удалось? Что вы принимали?

Качалов. Только то, что вы мне прописали, доктор. Ах, да! И ещё слушал Моцарта!

Синкевич. Но это невозможно! Я прописал вам то же, что прописывал остальным, но только вам удалось вырваться из лап забвения и смерти. Вы что-то утаиваете от меня.

Качалов. Ни в коем случае, доктор. Я полностью откро-

венен с вами.

Синкевич (*шепчет*). Не может быть! Не может быть! Невозможно!

Радиоприёмник. А ведь он так и не ответил на вопрос, док.

Синкевич. Вы так и не ответили на вопрос. Что планируете делать дальше?

Качалов. (*Смеётся*.) Ну, раз выяснилось, что всё это время я жил не своей жизнью, буду искать то, что действительно принесёт радость жизни, что будет заставлять просыпаться по утрам.

Синкевич. И что же заставляет вас просыпаться по утрам?

Качалов. Сейчас ничего. Но, знаете, я всегда мечтал играть в театре. Всё откладывал, боялся попробовать. Но видимо сейчас тот случай, когда больше не нужно ждать, пришло время действовать.

Радиоприёмник. Такой смешной человек! Удивительно, почему из всех смертных именно ему дарован второй шанс?

Синкевич. Не понимаю, почему вы выздоровели. Я прописал вам те же препараты, что остальным. Но от них я получал лишь свидетельства о смерти. Вы же живой и здоровый, сидите здесь передо мной.

Качалов. Согласен с вами, доктор, это настоящее чудо! И я больше не имею права растрачивать жизнь на вещи, которыми бы в жизни не занялся, если бы за них не платили.

Пришло время зажить по-настоящему.

Радиоприёмник. А он серьёзно настроен.

Синкевич. Нет!

Качалов. Простите, доктор?

Синкевич. Вы вообще понимаете, что с вами случилось?

Вы вообще понимаете, что происходит? Каждый день от камчатки умирают две тысячи человек...

Радиоприёмник. Три тысячи, доктор.

Синкевич. Три тысячи! И вы возможно первый, кто победил болезнь. Вас нужно изучать. Возможно, поняв как выдворели вы, мы поймём как следует бороться с вирусом.

Качалов. Изучать? Но я ведь не лабораторная крыса, доктор. Я – живой человек. Как же я начну актёрскую карьеру, если буду часами торчать тут у вас?

Радиоприёмник. Действительно!

Синкевич. Василий Андреевич, вы вообще осознаёте, сколько людей заражается каждый день и не надеется выздороветь и получить второй шанс? Но, вот, появились вы. Вы тот, благодаря кому у человечества появилась надежда. Василий Андреевич, вы должны, вы обязаны пойти мне навстречу и помочь найти лекарство для человечества.

Качалов. Доктор. Я всё понимаю. Но Бог даровал мне второй шанс не для того, чтобы потратил его на больничные стены.

Радиоприёмник. А мы прерываем музыкальную программу на службу новостей! По последним данным число

заражённых новой формой вируса камчатка увеличивается. Больницы переполнены. Пациенты лежат в коридорах. В нескольких регионах врачи гонят больных из больниц и отказываются оказывать помощь. На данный момент смертность от вируса увеличивается. От камчатки ежедневно умирает четыре тысячи человек.

Синкевич. Василий Андреевич, другим второго шанса не было дано. И сейчас тысячи людей умирают, так и не попробовав жить по-настоящему, как вы. И только в ваших руках это исправить.

Качалов встаёт и шагает по кабинету.

Радиоприёмник. А смертность от вируса продолжает расти. На сегодняшний день от камчатки ежедневно умирает пять тысяч человек.

Качалов. Я всегда мечтал о сцене, доктор. Знаете, когда я лежал дома в постели, не в силах подняться на ноги. В тот момент я не помнил уже тех, с кем жил, и кто окружал меня каждый день. На удивление, я промотал в голове всю свою жизнь. Я ясно помнил дни в университете, в школе. Помнил, как допоздна сидел и заполнял бумаги, назначение которых не понимал. Помнил, как читал детям стихи и видел в их глазах лишь равнодушие и желание поскорее уйти с урока. И я пришёл к страшной мысли, что не хочу выздоравливать. Не хочу возвращаться к той жизни. Я хотел умереть. Это страш-

но, доктор. Никому не пожелаю пережить это.

Синкевич. Василий Андреевич, подобное испытывают тысячи больных каждый день. Вы не один такой.

Радиоприёмник. А смертность от вируса продолжает расти. На сегодняшний день от камчатки ежедневно умирает семь тысяч человек.

Качалов. Я всё это помню, доктор.

Свет на сцене гаснет.

Снова загорается. Синкевич так же сидит за столом. Качалов со скорченными конечностями лежит на диване и не понимает, где он. Его замечает Синкевич.

Синкевич. Василий Андреевич?

Синкевич подходит к больному на диване и встаёт на колени.

Синкевич. Василий Андреевич?

Качалов. Доктор?

Синкевич (*радостно*). Вы меня помните?

Качалов. Простите, я вижу вас впервые.

Синкевич. Почему же вы решили, что я доктор?

Качалов. Какая-то женщина сказала, что должен придти доктор? Вы доктор?

Синкевич. Я – доктор. Что за женщина?

Качалов. Не знаю. Она всё называет себя моей женой. Но я её не знаю.

Синкевич. Василий Андреевич, меня зовут доктор Синкевич. Мы знакомы. Вы приходили ко мне на приём. Я написал вам препараты. Вы принимаете их?

Качалов. Женщина даёт мне какие-то таблетки. (*Смеётся.*) Ещё она включает мне каждый день Моцарта.

Синкевич. Моцарта?

Синкевич подбегает к радиоприёмнику и переключает радиостанции.

Синкевич. Моцарта! Включи Моцарта!

Радиоприёмник. Извините, док, но Моцарта сегодня не играем.

Качалов. Доктор?

Синкевич подбегает к Качалову.

Синкевич. Что, Василий Андреич? Чем я могу вам помочь?

Качалов. Я хочу в туалет.

Синкевич. В туалет? Сейчас.

Синкевич помогает Качалову встать.

Синкевич. Давайте, я вам помогу. Вставайте, Василий Андреевич.

Качалов с трудом встаёт на ноги. Синкевич поддерживает его.

Синкевич. Давайте, Василий Андреич. Медленно. Шаг за шагом.

Радиоприёмник. (*Мужской голос*) Почему вы хотите, чтобы отец жил с вами? (*Женский голос*) Она не работает, бухает. Однажды она ушла в загул. Я пришла к отцу. Он лежит невымытый, голодный. Не может встать. Не знает, где он находится. Человек три дня лежал без еды в собственном дерьме!

Синкевич. Да заткнись ты!

Синкевич подбегает к радиоприёмнику выключить его. Качалов пробует самостоятельно сделать пару шагов и падает.

Синкевич. Василий Андреич!

Синкевич подбегает к Качалову. Свет на сцене гаснет.

Свет загорается. Синкевич сидит за столом. Рядом, опираясь на стол, стоит Качалов.

Качалов. Можете представить, что я пережил?

Синкевич. Да! И мне вас искренне жаль.

Качалов. Не нужно меня жалеть, доктор. Напротив, стоит поздравить. Только благодаря болезни я понял, что всё это время жил не своею жизнью. И только благодаря ей я понял, что только в моих силах всё исправить.

Синкевич. Представьте, то, что вы пережили, тысячи людей переживают прямо сейчас. И только в наших силах избавить их от страданий.

Радиоприёмник. А смертность от вируса продолжает расти. На сегодняшний день от камчатки ежедневно умирает десять тысяч человек.

Качалов. Нет, доктор! Видимо, не просто так второй шанс выпал именно мне, а не кому-нибудь другому. Я должен использовать его правильно. Извините! Спасибо вам ещё раз, что подарили второй шанс.

Качалов уходит. Синкевич пускается за ним.

Синкевич. Подождите! Василий Андреевич!

Качалов захлопывает дверь с другой стороны.

Синкевич. Василий Андреевич!

Поникий Синкевич садится за стол и настраивает ра-

диоприёмник. Переключаются песни. Он настраивает волну.

Радиоприёмник. *(Диктор)* А у нас сегодня в гостях удивительный человек! Единственный, кому удалось победить камчатку, лекарство от которой на сегодняшний день так и не найдено. Василий Андреевич, скажите, как вам удалось победить вирус? *(Качалов)* Должен признаться, чудесным исцелением я обязан выдающемуся врачу, о котором широкая общественность, к сожалению, до сих пор не знает, доктору Синкевичу. *(Диктор)* Это он вылечил вас от камчатки? *(Качалов)* Да, именно ему я обязан жизнью. *(Диктор)* Но на сегодняшний день вы единственный, кому удалось вылечиться от вируса. Скажите, почему мы не знаем о других исцелённых пациентах доктора, как вы сказали? *(Качалов)* Синкевича. *(Диктор)* Доктора Синкевича. *(Качалов)* Их нет. Я единственный, кого доктору Синкевичу удалось вылечить. *(Диктор)* То есть, вы хотите сказать, что доктор Синкевич знает как вылечить камчатку, но намеренно об этом молчит. Как вы думаете, чего он хочет? Может быть, продать секретное лекарство за большие деньги? *(Качалов)* Нет, что вы?! Не думаю, что доктор Синкевич из такого рода врачей. Для него куда важнее здоровье пациента, нежели деньги. *(Диктор)* Именно поэтому он намеренно держит секрет излечения в секрете, и на сегодняшний день вы единственный, кого он вылечил? Интересно, а доктор Синкевич знает, сколь-

ко людей ежедневно умирает от камчатки? *(Качалов)* Десять тысяч. *(Диктор)* Тридцать тысяч! Каждый день! И ваш доктор Синкевич продолжает держать чудо-лекарство в тайне, каждый день слушая по радио, сколько человек умирает от вируса. Да он самый настоящий маньяк. *(Качалов)* Нет. Что вы такое говорите? *(Диктор)* Это из-за маньяка доктора Синкевича каждый день умирают десятки тысяч людей! *(Качалов)* Нет, подождите! *(Диктор)* Я призываю общественность найти этого самого доктора Синкевича и приготовить к суду! *(Качалов)* Стойте! Нет! *(Диктор)* Судить маньяка!

Синкевич истерически кричит и выключает радиоприёмник. Свет на сцене гаснет.

Эпизод второй

Свет на сцене загорается. За столом сидят Синкевич и Качалов.

Синкевич. Всё это походит на злую шутку. Бог решил посмеяться надо мной. Впервые я набрался смелости сказать пациенту правду и достойно принять смерть. И этот пациент стал первым, кто вылез из смертельного вируса.

Качалов. И всё благодаря вам, доктор Синкевич. Спасибо вам!

Синкевич. Чем планируете заняться дальше, Василий Андреевич?

Качалов. Знаете, я всегда мечтал играть в театре.

Синкевич. Да что вы?

Качалов. Удивительное дело! Столько раз я водил учеников в театр. Смотрел на сцену и представлял там себя. На следующий день на уроке ребята рассказывали, кто из актёров им понравился. А я представлял, как они говорят обо мне. Как гордятся видеть своего учителя на сцене. (*Закрывает глаза.*)

Радиоприёмник. (*Детские голоса*) Василий Андреевич, браво! Вы были невероятны! Василий Андреевич, когда следующий спектакль? Василий Андреевич, это я кричала вам из зала! А я хотела подарить вам цветы, но мама их не купи-

ла. Василий Андреевич, давайте сфотографируемся! Василий Андреевич! Василий Андреевич! Василий Андреевич! (Диктор) А на сцене народный артист, Василий Андреевич Качалов! (Аплодисменты.)

Качалов. (Открывает глаза.) Вы тоже это слышали?

Синкевич. Простите?

Качалов. Из радиоприёмника.

Синкевич. Я слушаю музыку.

По радиоприёмнику действительно играет "Creep" группы Radiohead.

Качалов. Странно.

Синкевич. Что странно?

Качалов. Ничего. Не обращайтесь внимания.

Синкевич. Василий Андреевич, какие препараты вы принимали?

Качалов. Те, что вы мне прописали. И ничего больше. Ах, да! Ещё я слушал Моцарта.

Синкевич. Слушали Моцарта?

По радиоприёмнику играет "Piano Sonata No. 11: III. Alla turca" Моцарта.

Качалов. Да! Вы мне советовали. И хоть я понимаю, что с вашей стороны это была всего лишь злая шутка, я каждый

день слушал по одному сочинению.

Синкевич. И сколько времени у вас ушло, чтобы прослушать всё?

Качалов. Год. Один год.

Синкевич. То есть вы слушали Моцарта в течении года?

Качалов. В течении года.

Синкевич. Каждый день?

Качалов. Каждый день.

Синкевич. И ни дня не пропускали?

Качалов. Не пропускал.

Синкевич. Думаете, вы из-за Моцарта вылечились?

Качалов. Я не знаю. Доктор Синкевич, я пришёл благодарить вас.

Синкевич. Это вы уже говорили. Не помните?

Качалов. Да, говорил.

Синкевич. Зачем вы пришли сюда?

Качалов. Я пришёл благодарить вас.

Синкевич. Зачем вы пришли сюда?

Качалов. Я пришёл благодарить вас.

Синкевич. Вы понимаете, что не оставляете мне выбора?

Качалов. О чём вы говорите, доктор?

Синкевич. Вам был дарован второй шанс. Вы могли начать новую жизнь. Но вы пришли сюда. Зачем?

Качалов. Я пришёл благодарить вас.

Синкевич. Прямо сейчас вы могли быть на собеседовании в театре, и возможно вас бы взяли на стажировку. Зачем

вы пришли сюда?

Качалов. Я пришёл благодарить вас.

Синкевич. Сначала вы бы играли в массовке, танцевали в ансамбле, пели в хоре. Потом постепенно вам бы давали эпизодические роли. Зачем вы пришли сюда?

Качалов. Я пришёл благодарить вас

Синкевич. Со временем маленьких ролей становилось бы всё больше. И, наконец, вас бы заметили и дали первую главную роль. Зачем вы пришли сюда?

Качалов. Я пришёл благодарить вас.

Синкевич. Главных ролей становилось бы всё больше и больше, и в скором времени вы становитесь ведущим актёром театра. Ваше лицо на всех афишах. Зрители приходят увидеть именно вас. Зачем вы пришли сюда?

Качалов. Я пришёл благодарить вас.

Синкевич. У вас был шанс начать новую жизнь, наконец-то, зажить по-настоящему. Зачем вы пришли сюда?

Качалов. Я пришёл благодарить вас.

Синкевич. Так благодарите!

Качалов. Что?

Радиоприёмник. А концертная программа на сегодня окончена. Далее служба новостей.

Синкевич. Василий Андреевич?

Качалов. А? Что вы хотите?

Синкевич. Вы пришли благодарить меня. Так благодарите.

Качалов. Благодарить? Смеётесь надо мной? Вы выписали мне смертный приговор! Я хотел жить. Собрал последние деньги и пришёл к вам на приём. Вы же сказали мне сдать-ся и добровольно принять смерть. Вы даже не хотели выписывать мне препараты! И даже от тех, что вы прописали, не было никакого проку. Я переписывался на форумах с другими больными. Всем прописывали эти препараты. И никому они не помогали. Я пришёл к вам лечиться, а вы предложили мне сдать-ся. Но знаете что? Я не сдался. Я принимал все выписанные вами препараты. И слушал Моцарта. Хоть это была ваша злая шутка. И я выздоровел. Другие умерли. А я выздоровел и остался жив. И я пришёл сюда посмеяться над вами! Вы выписали мне смертный приговор, а я выжил. И всё это не благодаря вам, а благодаря мне. Это я до последнего цеплялся за жизнь. А вы выписали мне смертный приговор. За что вы так со мной? Я пришёл к вам лечиться, а вы выписали мне смертный приговор. Что я вам сделал? За что вы так со мной?

Синкевич. Качалов!

Синкевич встаёт из-за стола, подходит к Качалову и крепко обнимает его.

Синкевич. Качалов, простите меня! Это я сдался. Вы не сдались. А я сдался. Как мне всё это осточертело! Каждый день я получаю свидетельство о смерти очередного пациен-

та. Что я ни делал, ничего не помогало. Все они умирали. И я сдался. А вы не сдались. И вы выжили. Качалов, вы живой, здоровый! Вы понимаете, что это значит? Что лекарство есть. Болезнь можно победить. Мы завтра же должны обследовать вас. Понять, как вам это удалось! И пусть у меня на это уйдёт вся жизнь, но я найду лекарство.

Качалов. Подождите. А я? Я тоже должен убить всю жизнь, пока вы ищите лекарство?

Синкевич. Василий Андреевич, эти люди! (*Показывает на радиоприёмник.*) Эти люди умирают каждый день. И каждый из них надеется, что появится кто-то, кто найдёт лекарство. И это мы с вами! Мы нашли лекарство! Осталось только понять как его использовать.

Качалов. Доктор Синкевич, вы ведь не знаете, почему я выжил. Вы прописали мне то же, что и остальным. А что, если дело не в препаратах, что если дело во мне. Я сильный. Я сам победил болезнь!

Синкевич. Не мелите чепуху, Качалов. Любая болезнь лечится только лекарством. И мы должны понять, почему оно подействовало именно на вас?

Качалов. Доктор Синкевич, позвольте я вам что-то покажу.

Качалов берёт Синкевича за руку. Свет на сцене гаснет. Свет на сцене загорается. На столе появились книги и стопка бумаг. У стены стоит доска.

Качалов. Это мой кабинет. Здесь я провожу каждый день. Фактически, я здесь живу.

Радиоприёмник. (*Шум детей. Детский голос*) Здравствуйте, Василий Андреевич! А сколько ещё до звонка?

Качалов. Это Максим. Он хороший мальчик. Ни раз помогал мне убирать кабинет. Но он любит футбол. Ему не интересна литература. Он постоянно шумит на уроках, пускает бумажные самолётики. Я несколько раз вызывал в школу его родителей. Но это не помогает. Он ребёнок, и он хочет играть. Но он не плохой мальчик. (*Смотрит в зрительный зал.*) Взгляните на них. Они все хорошие дети. Я их всех люблю. Но часто они доводят меня до нервного срыва. Я принимаю успокоительные и не могу уснуть по ночам, а на следующее утро нужно снова идти к ним. (*Синкевичу*) Взгляните на эту гору бумаг. Я не знаю, для чего они все предназначены, но заполняю их каждый день. Каждый вечер я прихожу домой и валяюсь с ног, но у меня нет времени сесть перед телевизором и отдохнуть, потому что мне нужно садиться за эту бесконечную кипу и полночи её заполнять. А всё из-за них. (*Смотрит в зрительный зал.*) Они все из школьной администрации. Они не плохие. Среди них много хороших людей. И они все тоже, как и я, ненавидят заполнять бумажки. Но заполняют их. И требуют это с меня. Потому, что это их работа. Но они не плохие. (*Синкевичу*) И так каждый день. Понимаете, доктор? Такой жизнью я жил. Разве это жизнь?

Синкевич. Ну, отчего вы жалуетесь?! Вы же сами выбрали такую жизнь.

Качалов. Да, выбрал. Не спорю, каждый из нас сам творец своей судьбы. Но ведь никто из нас не совершенен. Каждый из нас каждый день совершает выбор. И далеко не каждое решение верно. Я ошибся много лет назад. Но знаю, что не ошибаюсь сейчас!

Синкевич. Так же вы думали и тогда, когда шли в школу. Отчего вы решили, что сейчас делаете правильный выбор?

Качалов. Я не знаю. Возможно он будет такой же неверный, как и тот. Но я хотя бы попробую. И, если выяснится, что я ошибся снова, я просто найду другую дорогу.

Синкевич. Пока вы блуждаете в темноте, умирают тысячи людей.

Качалов. Люди рождаются и умирают каждый день. И всё же ничтожная доля из них учится жить настоящим. Я знаю, о чём говорю: я работаю с детьми, которые не помнят прошлого, не видят будущего, и не хотят жить настоящим. Уверен, вы понимаете, о чём я говорю. Через вас тоже проходит множество судеб.

Синкевич. Да! И каждого из них я хочу спасти, но спасти могу далеко не каждого. Представьте, что каждый день через меня проходят десятки таких, как вы. И каждый из вас говорит одно и то же, и стремится к одному – быть счастливым. Но вы решили, что только вы достойны жизни. Отчего? Отчего жизни не достоин такой же Качалов, которому не

удалось выкарабкаться?

Качалов. Я не знаю. Он... Достоин. Все достойны.

Синкевич. Именно! Давайте, вернёмся ко мне в кабинет.

Синкевич кладёт руку на плечо Качалову. Свет на сцене гаснет.

Свет загорается. Снова кабинет Синкевича.

Синкевич. Так вы всё же считаете, что каждый Качалов достоин жить настоящей жизнью.

Качалов. Да!

Синкевич. Значит, вы готовы пожертвовать собой ради жизней других?

Качалов. Разве есть что-то дороже человеческой жизни?

Синкевич. Есть, Василий Андреевич. Жизни двух человек. Трёх. Десяти. Ста. Тысячи. Миллиона. И вы должны пожертвовать собой ради жизни миллионов.

Качалов. Что ж, наверное... Наверное, это будет правильно.

Синкевич садится за стол.

Синкевич. Тогда завтра приходите сюда в восемь утра. И мы вас умертвим.

Качалов (*испуганно*). Что? Умертвите?

Синкевич. Василий Андреевич, камчатка – неврологи-

ческое заболевание. У нас нет никаких других способов исследовать человеческий мозг, кроме как вскрыть черепную коробку.

Качалов. Вы с ума сошли! С чего вы решили, что после чудесного исцеления я дам умертвить себя?

Синкевич молча включает радиоприёмник.

Радиоприёмник. А смертность от вируса продолжает расти. На сегодняшний день от камчатки ежедневно умирает сорок тысяч человек.

Качалов. Нет! Нет, это нечестно!

Синкевич. Жизнь, она вообще не справедлива, Василий Андреевич.

Качалов. Нет-нет-нет! Что вы мне предлагаете?

Синкевич. Я предлагаю вам отдать свою жизнь, чтобы сохранить миллионы других жизней.

Качалов. Хорошо! Я вас понял! Вам плевать на мою жизнь, зато важны жизни других. Я вас понял. Позвольте я всё же вам ещё кое-что покажу.

Качалов кладёт руку Синкевичу на плечо. Свет на сцене гаснет.

Свет загорается. Стол Синкевича стоит посреди сцены. Вокруг него стоят стулья.

Качалов. Садитесь, доктор.

Синкевич покорно садится за стол.

Качалов. Добро пожаловать ко мне домой!

Синкевич. Зачем мы здесь?

Качалов. Я считаю, что мои родные должны знать моего спасителя в лицо. Познакомьтесь! Моя жена – Елена Качалова. *(Рукой указывает на пустой стул.)*

Радиоприёмник *(Женский голос)*. Здравствуйте, доктор! Спасибо, что уделите нам вечер. Вы не представляете, какая для нас радость видеть воочию васиноного спасителя.

Качалов. *(Указывает рукой на два других стула.)* Мои дети – Петя и Маша. Дети, поздоровайтесь с дядей.

Радиоприёмник *(Детские голоса)*. Здравствуйте!

Качалов. *(Указывает рукой на соседний стул.)* Моя тёща – Надежда Ивановна. Мама, поздоровайтесь с гражданином доктором.

Радиоприёмник *(Старческий женский голос)*. Он мне не нравится.

Качалов. Ну, мама, этот человек спас мне жизнь.

Радиоприёмник *(Старческий женский голос)*. Это его работа. Он за это деньги получает.

Качалов. Мама, пожалуйста, прекратите! Проявите уважение к гражданину доктору.

Радиоприёмник *(Старческий женский голос)*. Поучи

меня ещё! Ты и твоя семья живёте в моей квартире!

Качалов. (*Синкевичу*) Мама не в настроении. (*Стулу, на котором сидит жена.*) Дорогая, займись ужином. Я пока разложу посуду и приборы.

Радиоприёмник (*Женский голос*). Конечно, дорогой!

Качалов достаёт из шкафа тарелки, приборы, бокалы и всё аккуратно расставляет на столе.

Качалов. Вы не поможете мне, доктор? Право мне неудобно вас просить...

Синкевич. Ну, что вы?! Конечно! Давайте, я займусь тарелками.

Синкевич раскладывает на столе тарелки.

Радиоприёмник (*Женский голос*). А, вот, и ужин!

Качалов. Ох, успели точно в срок!

Синкевич. И не говорите!

Качалов. Садитесь, доктор. Я расставлю бокалы.

Синкевич. Бросьте! Право, мне несложно.

Качалов. Да вы не только мастер своего дела, но и воспитанный человек. Дети! Берите пример с доктора Синкевича.

Из радиоприёмника доносится детский смех.

Радиоприёмник (*Женский голос*). Дорогой, ужин остывает!

Качалов. Всё, милая, мы закончили!

Синкевич. (*пробуя еду из пустой тарелки*) М-м-м, вот это да! Очень вкусно, госпожа Качалова!

Радиоприёмник (*Женский голос*). О, право не стоит, доктор! Всего лишь мясо, запечённое с овощами. Ничего особенного. Простой рецепт.

Качалов. (*тоже поедая из пустой тарелки*) Милая, дети, представляете, доктор говорит, что ещё никому не удавалось вылечиться от камчатки. Я – первый.

Радиоприёмник (*Женский голос*). Да, я слышала о вирусе по новостям. Такой ужас! Мы были так поражены, когда Вася пришёл от вас в бодром духе и сказал, что вы пообещали ему скорейшего выздоровления и долгую жизнь. Если честно, доктор, мы даже считали вас мошенником. Мы слышали по телевизору, что лекарства от вируса нет. Но вы оказались не таким, доктор. Вы действительно вылечили моего мужа!

Синкевич. На самом деле, об этом я хочу поговорить с вами, Елена. Могу ведь вас так называть?

Радиоприёмник (*Женский голос*). Конечно, доктор, как вам угодно!

Синкевич. Состояние вашего мужа на тот момент, как он ко мне пришёл, было неутешительным. Я хотел узнать у вас: действительно ли он принимал препараты строго те, что я

прописал, или же пил что-то помимо них?

Качалов. Опять та же песня!

Радиоприёмник (*Женский голос*). В неутешительном состоянии? Что вы хотите сказать? Мой муж был на грани смерти?

Качалов. (*радиоприёмнику*) Дорогая, ты только не волнуйся! (*Синкевичу*) Ну, спасибо, доктор!

Радиоприёмник (*Женский голос*). Милый, пожалуйста, не говори так с доктором!

Качалов. О, что ты, дорогая! Это мы так!

Радиоприёмник (*Женский голос*). Это был настоящий ад, доктор! Сначала Вася забывал какие-то мелочи: время, даты, – просыпал в школу или в рабочий день отправлялся на реку рыбачить, думая, что у него выходной. Потом он стал теряться в пространстве. Впервые я увидела это, когда мы разделились в торговом центре, и он заблудился. По трансляции сообщили, что в комнате охраны сидит мужчина, который потерялся. Я сразу поняла, что это Вася.

Качалов. Милая, зачем это сейчас всё вспоминать? Тем более при детях.

Радиоприёмник (*Женский голос*). Самым страшным для нас стал тот день, когда я пришла с работы и обнаружила, что в квартире пахнет газом. Васенька забыл выключить. Мама спала. Дети играли в комнате. Я могла потерять их всех! Я набросилась на него с расспросами, как он мог забыть выключить газ! Но он даже не понимал, кто я. Тогда я взяла

скалку и принялась бить его, не жалея. Где-то в глубине души я понимала, что он болен, доктор. И мне стыдно за то, что я сделала. Но материнский инстинкт, страх потерять детей и маму, оказался сильнее.

Синкевич. Как ни странно, но я вас понимаю. Я столько раз сталкивался с тем, что родные люди срывались на больного человека, совсем забыв о его недуге. Больной – это уже не тот человек, что был раньше. И этого нового человека семья должна принять. Но не у всех это получается.

Качалов. У моих получилось, доктор. То, что рассказывает Елена, было лишь моментом слабости. В остальное же время они всегда поддерживали меня.

Радиоприёмник (*Женский голос*). Умоляю тебя, откуда ты можешь помнить это!

Качалов. Дорогая, о чём ты? Что ты такое говоришь?

Радиоприёмник (*Женский голос*). Когда он совсем слёг, мне пришлось работать одной и кормить всю семью и больного человека. Мы ели одни макароны. Залезали в долги, чтобы купить детям форму на предстоящий учебный год. Много денег уходило ему на лекарства. В середине месяца у нас заканчивался шампунь, и мы мылись одной лишь водой. И тогда... Ох, прости меня, Вась! Я приходила убитая домой. Смотрела, как ты лежишь в полном блаженном неведении того, что происходит вокруг тебя. И в эти моменты так ненавидела тебя! И даже... Господи! Господи! Я не должна была этого делать!

Качалов. Милая, пожалуйста, успокойся! Я прошу тебя!

Радиоприёмник (*Женский голос*). Васенька, прости меня! Я хотела... Я хотела перестать давать тебе лекарства, чтобы ты поскорее умер! Чтобы на один голодный рот в семье стало меньше.

Качалов. Боже, какие ужасы ты говоришь! Прошу тебя, прекрати!

Радиоприёмник (*Женский голос*). Мне так стыдно перед тобой!

Синкевич. Василий Андреевич, кажется, нам стоит пройтись!

Радиоприёмник (*Старческий женский голос*). А лучше бы он сдох к чёртовой матери! Зажили бы, как люди! Столько кровушки нашей он попил!

Синкевич. Василий Андреевич, дайте мне руку.

Качалов даёт Синкевичу руку. Свет на сцене гаснет.

Свет загорается. Сцена пуста. Только Синкевич и Качалов. На полу стоит радиоприёмник.

Синкевич. Куда вы меня привели?

Качалов. На сцену. Здесь я играл в детской театральной студии.

Синкевич. Интересная у вас семья, Качалов.

Качалов. Не судите о них. Лена права: они прошли через ад. Не знаю, как бы я поступил на их месте.

Синкевич. И всё же любви и ласки в вашей семье я не увидел. Возможно она и была когда-то, но как раньше уже не будет. Понимаете, что бы вы не делали, они будут смотреть на вас и видеть то беззащитное, ни на что не способное, тело, что ещё недавно лежало у них на диване и не понимало, кто он, где находится, и кто все эти люди вокруг.

Качалов. Возможно. Да, пожалуй, я с вами соглашусь. Они уже не относятся ко мне, как прежде. И особенно дети. Они так смотрят на меня. Так, будто я чужой.

Синкевич. Такое часто бывает в семьях, член которой поборол смертельную болезнь. Понимаете, для вас тот период был чёрным пятном в вашей жизни, для ваших же родных это была целая жизнь. Вы ничего не помните из-за болезни, Качалов. Но они ведь всё помнят. Все эти ваши сказки про второй шанс рассыпаются, когда вы сталкиваетесь с реальностью. Дома. На работе. Взгляды. Взгляды всё говорят. Никто уже не смотрит на вас, как прежде. Вы вроде живы, но для окружающих уже мертвы. Так зачем мучить себя? Ложитесь под хирургический нож во имя науки! Ради миллиона других! Ради чего вам жить?

Качалов. Вы правы. Для всех я стал чужим. Жена не может принять меня нового. Дети не могут забыть папу, что лежал исхудавший в постели. Тёща меня ненавидит. Коллеги тоже. Ученики не ценят.

Синкевич. Видите. Зато представьте, как изменится к вам отношение окружающих, когда вы пожертвуете собой

ради спасения других. Вас будут любить, не жена и ученики, нет, весь мир будет боготворить вас!

Качалов. Вы так и не поняли, доктор. Я люблю свою семью, и своих учеников, и коллег. Но я живу не для них. Жизнь даётся человеку, и человек должен жить её для себя, как бы сильно он не любил других. Я уйду от всех и приду сюда, на сцену. И буду тихо нести свою службу, пытаюсь порадовать не зрителя, нет, пытаюсь порадовать себя.

Синкевич. И что вы будете делать?

Качалов. Я? Я буду танцевать.

Синкевич. Что?

По радиоприёмнику играет песня "Life In A Glasshouse" группы Radiohead. Качалов танцует. Свет на сцене гаснет.

Свет загорается. Снова кабинет Синкевича. Доктор так же сидит за рабочим столом напротив пациента.

Синкевич. *(Встаёт, подходит к Качалову и кладёт руку тому на плечо.)* Я желаю вам успехов, Качалов, во всех ваших начинаниях!

Качалов. Спасибо, доктор!

Качалов встаёт и одевается.

Радиоприёмник. *(Диктор)* А мы прерываемся на службу новостей! В стране продолжает бушевать смертельный ви-

рус. Вчера была зафиксирована рекордная отметка смертности от камчатки – пятьдесят тысяч погибших было зарегистрировано вчера в больницах и моргах. (*Качалов*) Вы не понимаете, что говорите! Доктор Синкевич между обществом и личностью выбрал личность. Человек честно признался себе, что он не Господь Бог и не имеет права распоряжаться людскими судьбами. (*Диктор*) Но тогда объясните нам, почему доктор Синкевич посчитал себя недостойным распоряжаться одной судьбой, но решил, что имеет право распоряжаться миллионами судеб?

Синкевич. Качалов.

Качалов. Да, доктор?

Синкевич. Простите меня.

Синкевич бьёт Качалова в лицо. Завязывается драка. В процессе драки Синкевич скальпелем убивает Качалова. Синкевич стоит над мёртвым телом Качалова.

Синкевич. Простите меня, Качалов! Но так будет лучше для всех.

Радиоприёмник. (*Голос Елены*) Васенька, прости меня! Я наговорила столько глупостей за столом. Васенька? Что здесь происходит? Что с ним? Нет! Убийца!

Синкевич. Нет! Елена, пожалуйста, уйдите!

Синкевич подбегает к столу, поднимает над головой ра-

диоприёмник и собирается разбить его. Свет на сцене гаснет.

Эпилог

Свет загорается. За столом сидят Синкевич и Качалов.

Синкевич. Всё это походит на злую шутку. Бог решил посмеяться надо мной. Впервые я набрался смелости сказать пациенту правду и достойно принять смерть. И этот пациент стал первым, кто вылез из смертельного вируса.

Качалов. И всё благодаря вам, доктор!

Синкевич. Зачем вы пришли?

Качалов. Я пришёл благодарить вас.

Синкевич. Чем планируете заняться дальше?

Качалов. Пойду на сцену. Доктор? Доктор, с вами всё в порядке?

Синкевич. Удивительная вещь! Я всю жизнь посвятил тому, чтобы лечить людей. Работал сутками без сна и отдыха. Пережил два развода из-за работы. И всё это время даже собаку не мог завести. Я так много заботился о других, что не мог позаботиться даже о самом себе. И знаете, что самое удивительное, Качалов? После всего, что я сделал, в не зависимости от того, как я поступлю дальше, какое решение мне придётся принять в этом тяжёлом выборе, завтра утром я включу радиоприёмник и не услышу восторженных криков "Доктор Синкевич! Спаситель вы наш!". Нет! Вместо этого диктор произнесёт холодное и ужасное...

Радиоприёмник. Маньяк Синкевич.

Играет песня "Spectre" группы Radiohead.

Занавес